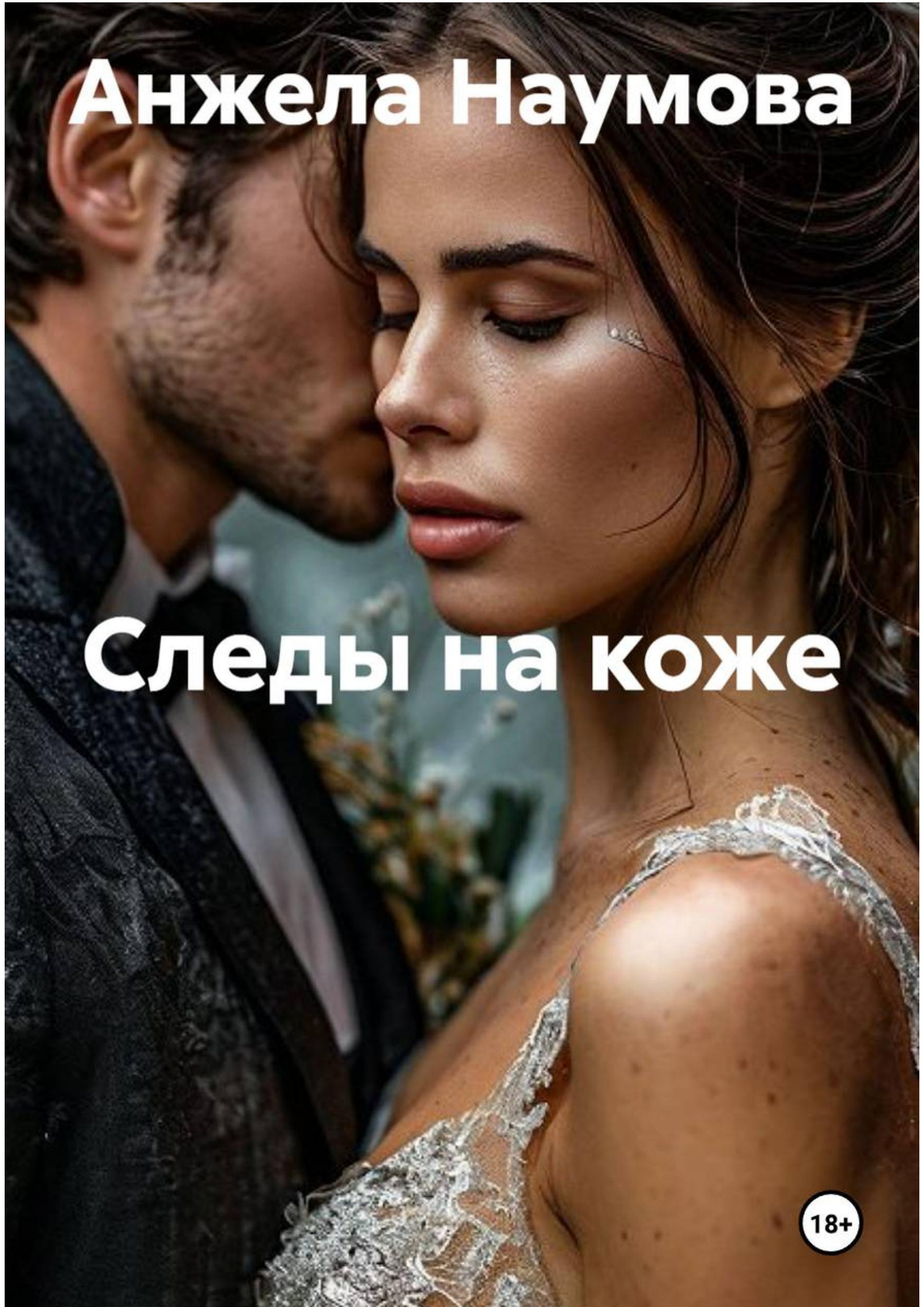

Анжела Наумова

Следы на коже

18+

Анжела Наумова

Следы на коже

«Автор»

2026

Наумова А.

Следы на коже / А. Наумова — «Автор», 2026

Она не просила его остаться. Она просила его коснуться так, чтобы это осталось с ней навсегда. 30 историй о женщинах, которые перестали бояться своих желаний. О любви, которая оставляет шрамы. О ночах, которые не хочется забыть. «Следы на коже» — это не просто эротика. Это исследование границ, которых нет. Это финал трилогии, где каждая история — как прикосновение, которое меняет всё. Для тех, кто знает: самые сильные чувства — те, что оставляют следы.

© Наумова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ 1. Последний билет	5
Рассказ 2. Тишина в библиотеке	10
Рассказ 3. Завтрак у разбитого кофе	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анжела Наумова

Следы на коже

Рассказ 1. Последний билет

Она бежала по перрону, и мир сузился до одного звука: стук её собственных каблучков по мокрому асфальту. Сумка хлестала по бедру, билет был зажат в кулаке, и она чувствовала, как бумага намокает от дождя и пота. Поезд стоял у платформы. Последний. Она видела, как проводник уже поднимает ногу, чтобы закрыть дверь.

— Стойте! — крикнула она.

Проводник обернулся. Она влетела в вагон за секунду до того, как дверь закрылась за её спиной. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание сбивалось. Она прислонилась к стене и прикрыла веки, чувствуя, как поезд набирает скорость. Только на секунду. Поезд дёрнулся и начал двигаться.

Она выдохнула. Потом открыла глаза и пошла искать своё место.

Купе было узким, старым, с обшарпанными стенами, которые пахли пылью и чужими жизнями. Верхняя полка была пустой. На нижней, у окна, сидел он. Она остановилась в дверях. Вглядывалась в его лицо.

Она была невысокой, но в её фигуре чувствовалась упругая сила — узкая талия, крутые бёдра, которые покачивались при каждом шаге, даже когда она бежала. Грудь была полной, но не тяжёлой, с широко посаженными сосками, которые угадывались под мокрой тканью футболки. Когда она остановилась в дверях купе, он заметил, как она дышит — тяжело, часто, и каждый вдох приподнимал её грудь, прижимая ткань к коже. Её походка была «от бедра» — она не знала этого, но он видел: она привыкла, что на неё смотрят. И сегодня, под его взглядом, она замерла, чувствуя, как он видит её всю — не только лицо, но и её тело, её усталость, её желание.

Он поднял глаза.

— Это моё место, — сказала она.

— Нет, — ответил он. — Моё.

Она вытащила билет. Протянула ему. Он не взял. Просто посмотрел на её руку, потом снова на неё.

— Проверь, — сказал он и кивнул на столик. Там лежал его билет. Она взяла его. Тот же номер. То же место. Тот же поезд. Та же дата. Она смотрела на два билета и не верила своим глазам.

— Это ошибка, — сказала она. — Я купила его сегодня. В кассе.

— Я купил неделю назад.

— Так не бывает.

— Бывает, — сказал он. — Садись.

Она стояла в дверях, чувствуя, как поезд набирает скорость, как за окном проплывают огни города, который она оставляла. Она хотела сказать, что это неправильно. Что она должна найти проводника. Что она не будет сидеть с незнакомцем в чужом купе. Но она посмотрела на него. На его лицо. На его руки. На его глаза, которые смотрели на неё спокойно, без злости, без любопытства. Просто смотрели. И она села.

Он не сказал ни слова. Просто сдвинулся к окну, освобождая место. Она села на край полки, держа сумку на коленях. Поезд стучал колёсами. В купе пахло дождём и углём. Где-то за стеной, в соседнем купе, кто-то говорил по телефону. Слышался

приглушённый голос, смех, потом снова тишина. Она сидела, смотрела в окно, на тёмные поля, на мокрые деревья, которые проносились мимо, как призраки.

— Ты уезжаешь, — сказал он.

Это не было вопросом. Она повернулась к нему. Он смотрел на неё.

— Откуда ты знаешь?

— Я вижу. Ты бежишь. Оттуда, где тебя не держат.

Она хотела сказать, что он ошибается. Что она не бежит. Что она просто едет. Но она не сказала. Потому что он был прав.

— А ты? — спросила она. — Ты тоже уезжаешь?

— Я возвращаюсь.

— В свой город?

— В свой дом.

Она смотрела на него. На его руки, которые лежали на столике. На его пальцы, которые были длинными, с тёмными прожилками вен. На старые потёртые часы на его запястье — без ремешка. Они лежали на столе, и она заметила их только сейчас.

— У тебя нет ремешка, — сказала она.

— Он порвался. Сегодня. Когда я покупал билет. Я собирался купить новый.

— На вокзале?

— Нет. В городе. Куда я еду.

Она кивнула. Больше не спросила. Он не добавлял. Тишина между ними была странной — не неловкой, не тяжёлой. Она была живой. Как будто они уже говорили раньше. Как будто они знали друг друга.

— Меня зовут Денис, — сказал он.

— Аня, — ответила она.

Он улыбнулся. Едва заметно.

— Приятно познакомиться, Аня.

— Взаимно.

Она хотела, чтобы он спросил, почему она уезжает. Спросил, что оставила. Спросил, боится ли она. Но он не спросил. Он смотрел на неё, и она чувствовала его взгляд на своей коже. Он был тёплым. Она не знала, почему он смотрит на неё так. Она не знала, почему не отводит взгляд. Она знала только, что внутри неё поднимается что-то, что она не чувствовала годами.

— Ты хочешь кофе? — спросил он и достал термос.

Она хотела отказаться. Но вместо этого кивнула. Он налил ей кофе в маленькую железную кружку. Протянул. Их пальцы коснулись. Его пальцы были тёплыми, сухими. Она вздрогнула. Он не убрал руку. Она тоже не убрала. Они держали кружку вместе, и кофе плескался внутри, горячий и тёмный, как ночь за окном.

— У тебя дрожат руки, — сказал он.

— Я замёрзла.

— Ты испугана.

— Я не боюсь тебя.

— Я знаю. Ты боишься не меня. Ты боишься, что я останусь.

Она смотрела на него. Его слова ударили в грудь, точно поезд на полном ходу. Она хотела вырвать руку. Хотела сказать, что он ничего не знает. Что он не имеет права. Но она не сделала ничего. Она вглядывалась в его лицо, и в его взгляде не было игры. Только правда. Та, которую она боялась услышать.

— Ты не знаешь меня, — сказала она.

— Я знаю достаточно, чтобы понять, что если я останусь, ты не уйдёшь.

Она замерла. За окном проносились огни маленьких станций, тусклые, жёлтые, как глаза усталых людей. Где-то сигнализировал поезд. Где-то смеялись люди. Она слышала его дыхание и своё сердце, которое билось где-то в горле. Она сжала кружку. Кофе был горячим.

— Я не останусь, — сказала она.

— Ты уже не уехала.

Он положил руку на её колено. Она не убрала её. Чувствовала его пальцы сквозь ткань джинсов. Тёплые, уверенные. Она не знала, что он сделает дальше. Она не знала, хочет ли знать. Она просто сидела и чувствовала его руку на себе, чувствовала его дыхание, чувствовала стук колёс, который становился громче, быстрее, как пульс.

Она поставила кружку на столик. Он не убрал руку. Она смотрела на его пальцы — сильные, с тёмными прожилками вен, с маленьким шрамом на указательном пальце. Она хотела спросить, откуда он. Но она не сказала. Она взяла его руку. Провела пальцами по его ладони. По шраму. Чувствовала его пульс. Быстрый, неровный. Он тоже боялся. Но не отступал.

— Ты не должен, — сказала она.

— Я знаю.

— Ты не знаешь меня.

— Я знаю твои руки.

Она смотрела на него. В его глазах не было страха. Только желание. И что-то ещё — то, что она не могла назвать. Она не знала, что это. Она знала только, что не хочет, чтобы он убирал руку.

— Тогда покажи, — сказала она. — Что ты знаешь.

Он поднялся. Потянул её за собой. Она встала. Он прижал её к стене. Холодный пластик коснулся её спины. Она чувствовала его дыхание на своей шее. Чувствовала его пальцы на своей талии. Чувствовала его близость. Он не торопился. Просто стоял, смотрел на неё, как будто она была единственной в этом поезде, в этом мире.

Он слышал её голос — низкий, чуть хриловатый, как у человека, который не спал много ночей. И этот голос отзывался в нём чем-то тёплым, животным. Его пальцы помнили её дыхание, хотя он касался её всего мгновение назад. Когда она заговорила, он почувствовал, как его тело откликается — мурашки по спине, пульс в висках. Он вдруг понял: он уже знает, как она звучит, когда ей хорошо. Он не знал, как он это знает. Но он знал.

Он расстегнул пуговицу на её джинсах. Потом ещё одну. Она дышала часто, рвано. Чувствовала его язык на своей коже. Его пальцы на своём теле.

Он опустился на колени. Его руки сжимали её бёдра. Она чувствовала его дыхание на своей коже. Чувствовала, как его губы касаются её живота, скользят по внутренней стороне бедра. Как он целует её через кружево. Как его пальцы двигаются в ритме, который сводит её с ума. Она вцепилась пальцами в его волосы. Ничего не видела. Только чувствовала.

— Я хочу чувствовать, как ты ломаешь меня, — прошептала она.

Он не остановился. Волна нарастала. Глубокая, горячая. Она слышала стук колёс. Своё сердце. Его дыхание. Чувствовала, как он ускоряется, как его язык и пальцы работают в одном ритме. Она сжала плечи, вцепилась в кожу, когда волна накрыла её. С криком, с дрожью, с полной потерей контроля.

Она поднялась. Стояла перед ним, с бёдрами, всё ещё помнящими его прикосновения. Она чувствовала его дыхание. Слышала стук колёс. Он смотрел на неё. Его глаза были тёмными.

— Теперь я хочу тебя внутри, — сказала она.

— Ты уверена?

— Я хочу чувствовать тебя.

Единственный свет в купе падал из окна — бледный, лунный, с отблесками мокрых полей, которые проносились за стеклом. Этот свет разрезал темноту на полосы: одна падала на её лицо, другая — на его руки, третья — на простыню, смятую у её бёдер. Тени дрожали при каждом толчке, удлинялись, сжимались, как дыхание, как пульс, как их тела, которые двигались в одном ритме с поездом. Она видела его лицо то в свете, то в тени — и это делало его чужим, опасным, бесконечно желанным.

Она села на него сверху. Смотрела на него сверху вниз. Свет из окна падал на её лицо, и она видела отражение себя в его зрачках. Стук колёс заполнял тишину. Она двигалась. Медленно, раскачиваясь. Он сжимал её бёдра. Она чувствовала его пальцы на своей коже. Наклонилась, поцеловала его в губы, в шею, в грудь.

— Теперь я веду.

— Веди.

Она ускорила. Второй оргазм накрыл её с криком. Он почувствовал её пульсацию. И кончил с глухим стоном. Его тело дрожало, выгибалось. Она вглядывалась в его лицо, запоминая каждую черту.

Он лежал на спине, тяжело дыша. Она лежала рядом. Стук колёс звучал ровно, ритмично. Она чувствовала, как он молчит. Только его дыхание, и её дыхание. Где-то за стеной снова включили радио — кто-то слушал старые песни. Она слышала приглушённый голос певца, скрип рельсов, его дыхание. На столике стояла пустая кружка, лежали два билета, и один из них был скомкан — её, потому что она больше не собиралась предъявлять его проводнику. В углу лежала её сумка, и из неё выглядывал край футболки, которую она не успела разобрать. Быт врывается в их ночь — не громко, не навязчиво, но он был. И это делало их близость настоящей.

— Я не знаю твоего имени, — сказала она.

— Денис.

— Аня.

Он улыбнулся. Она почувствовала его улыбку по тому, как его пальцы сжали её талию.

— Ты уедешь?

— Я не знаю.

— Ты вернёшься?

— Я не знаю.

Он замолчал. Она повернулась к нему. Его глаза были открыты. Он смотрел на неё, и она видела в них отражение ночи. Она не знала, что он чувствует. Но она чувствовала, как его пальцы сжимают её руку.

— Тогда я буду ждать.

— Чего?

— Твоего решения.

Утром она проснулась от холода. Солнце ещё не встало. В купе было пусто. Только его часы лежали на столике. Старые, потёртые, без ремешка. Рядом стояла записка: «Это тебе. У тебя есть время. Ты решишь».

Она сжала часы в руке. Чувствовала тепло металла, как будто он держал их до последнего.

Поезд остановился. Она вышла на перрон. Город был чужим, серым, холодным. Она смотрела на часы в руке. Они показывали 6:47. Она знала, что он ушёл. Она

знала, что не найдёт его. Она знала, что должна идти. Но она стояла и смотрела на часы. И думала о том, как найти того, кто оставил ей время.

Она сжала часы в кулаке. И пошла в новый город.

Рассказ 2. Тишина в библиотеке

Она пробралась в библиотеку через чёрный ход. Ключ, который она нашла неделю назад в забытой куртке, подошёл идеально. Она не знала, кому он принадлежал. Она не знала, зачем он лежал в кармане. Она знала только, что каждую ночь, когда город засыпал, она хотела быть здесь. В тишине. Среди книг. В темноте, которая не требовала объяснений.

Она прошла вдоль стеллажей, касаясь пальцами корешков. Кожаные, тканевые, потёртые. Они пахли временем, пылью и чем-то сладким, как старая бумага. Высокие окна пропускали лунный свет, и он ложился на пол белыми прямоугольниками, разрезая темноту на полосы. Она остановилась у дальнего стеллажа, достала книгу, которую читала в прошлый раз. Открыла её. Запах воска и типографской краски ударил в нос.

Она не слышала его шагов. Она не слышала ничего. Только тишину. И вдруг — свет погас. Луна исчезла за облаком, и комната погрузилась в темноту. Она замерла, сжимая книгу в руках. Сердце забилось быстрее. Она знала, что не одна.

— Кто здесь? — спросила она шёпотом.

Голос раздался из темноты. Низкий, спокойный, как будто он ждал этого вопроса:

— Тот, кто ждал тебя.

Она повернулась. В трёх шагах от неё стоял мужчина. Высокий, тёмный силуэт. Свет из окна упал на его лицо, и она увидела его глаза — серые, внимательные, без страха.

— Ты не должен быть здесь, — сказала она.

— Я здесь работаю. Ночью.

— Я не знала.

— Знала. Ты знала, что я здесь. Ты чувствовала.

Она хотела сказать, что он ошибается. Но она не сказала. Потому что он был прав. Каждую ночь, когда она приходила сюда, она чувствовала его присутствие. Запах его одеколона, который витал между стеллажами. Тишину, которая была слишком густой. Она знала. Она просто не хотела себе признаваться.

— Я должна уйти.

— Ты не уйдёшь.

— Почему?

— Потому что ты ждала, когда я подойду.

Он сделал шаг к ней. Ещё один. Он остановился в полшаге, и она чувствовала его дыхание на своей коже — тёплое, ровное. Она сжимала книгу так сильно, что корешок впивался в ладонь. Она чувствовала его взгляд. Он смотрел на неё, и она не могла дышать.

— Ты знаешь, как я выгляжу? — спросил он.

Она покачала головой.

— Я слышала твои шаги. И твой голос. Ты всегда говоришь по телефону на лестнице. Ты смеёшься, когда думаешь, что никто не слышит. Ты любишь джаз. Я видела твой плейлист, когда ты оставляла телефон на столе.

Она смотрела на него. Внутри неё поднималось что-то, что она не могла назвать. Её пальцы сжимали книгу. Она чувствовала, как он смотрит на её руки.

— Ты не боишься? — спросил он.

— Я хочу чувствовать тебя.

Он взял книгу из её рук. Положил на полку. Его пальцы коснулись её пальцев. Она чувствовала его кожу, холодную, гладкую. Он взял её за запястье. Сжал. Не больно, но уверенно. Она чувствовала его пульс — быстрый, неровный.

— Ты знаешь, что я могу сделать с тобой?

— Я знаю.

— Ты не боишься?

— Я хочу чувствовать тебя.

Он прижал её к стеллажу. Металлические полки коснулись её спины. Книги задрожали, посыпалась пыль. Она чувствовала холод металла через одежду. Чувствовала его жар. Он стоял перед ней, и она слышала его дыхание. Она смотрела в его глаза. Они были тёмными.

— Ты будешь молчать? — спросил он.

— Я постараюсь, — ответила она шёпотом.

Он прикрыл ей рот поцелуем, и она почувствовала его дыхание на своей шее. Его пальцы скользнули по её губам, по её подбородку, по шее. Она закрыла глаза, чувствуя его прикосновения. Он поцеловал её в шею. Она выгнулась навстречу. Его язык скользил по её коже.

Она стояла у стеллажа, прижатая к холодному металлу, чувствуя его тело. Он целовал её шею, плечи, ключицы. Его пальцы расстегнули её блузку. Она чувствовала его руки на своей коже — горячие, уверенные.

Он взял книгу. Раскрыл её. Провёл пальцами по страницам, потом по её коже. Она чувствовала шершавую бумагу на своём животе, на груди. Пахло старой бумагой, типографской краской и им. Он наклонился, его губы коснулись её груди. Она вздрогнула. Соски затвердели от его прикосновений.

— Ты чувствуешь это? — спросил он.

— Я хочу чувствовать тебя.

Он опускался всё ниже. Его язык скользил по её коже, оставляя влажные дорожки. Её пальцы вцепились в его волосы. Она слышала его дыхание, прерывистое и глубокое. Запах её возбуждения смешивался с запахом книг и его одеколону.

Он опустился на колени. Его лицо оказалось между её бёдер. Она чувствовала его дыхание на своей коже. Его язык коснулся её. Она вцепилась пальцами в его волосы. Она чувствовала, как внутри поднимается волна. Как её тело отзывается на каждое его движение. Он ускорился. Она застонала. Громче, чем хотела. Уткнулась лицом в его плечо. Она чувствовала, как пульсация проходит через всё её тело. Как он продолжает двигаться, продлевая её наслаждение. Она дрожала, выгибалась, сжимала его плечи.

Он поднялся. Она стояла перед ним, с бёдрами, всё ещё помнящими его прикосновения. Он смотрел на неё. Его глаза были тёмными.

— Теперь я хочу тебя, — прошептала она.

— Ты уверена?

— Я хочу чувствовать тебя внутри.

Он подхватил её под бёдра и усадил на стол. Холодный мрамор коснулся её спины. Она чувствовала холод камня и его жар одновременно. Он стоял между её ног. Смотрел на неё. Она смотрела на него. Луна снова вышла из-за облаков, и её свет упал на его лицо. Она видела его глаза, его губы, его руки. Он соединился с ней. Медленно. Глубоко. Она обхватила его ногами. Притянула к себе. Она чувствовала его жар, его дыхание, его руки на своих бёдрах. Чувствовала его — и это ощущение было тем, чего она ждала всё это время.

Лунный свет падал на её тело, на его тело, на книги вокруг них. Тишина была абсолютной. Только их дыхание, скрип стола, шёпот страниц, которые шевелились от сквозняка. Она смотрела на него, не отрываясь.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он.

— Нет.

— Ты хочешь знать?

— Я хочу чувствовать тебя.

Он ускорился. Его пальцы скользнули вниз, коснулись центра её удовольствия. Круговые движения, ритм, нарастание. Она чувствовала, как внутри поднимается волна. Как его дыхание становится прерывистым. Она смотрела в его глаза, не отрываясь, когда волна накрыла её.

Она кончила с тихим стоном, с дрожью. Её тело выгибалось. Он чувствовал каждую пульсацию. Она сжала его плечи, вцепившись в кожу. Он замер. Поцеловал её в губы.

Она лежала на столе, чувствуя холод мрамора под собой. Он стоял рядом, тяжело дыша. Тишина в библиотеке. Только их дыхание. Она смотрела на него.

— Ты не уйдёшь?

— Я не могу уйти.

— Почему?

— Потому что я хочу остаться.

Она села. Посмотрела на него. Его глаза были открыты.

— Я приду завтра.

Он улыбнулся.

— Я буду ждать.

Она спустилась по лестнице. Ключ лежал в её ладони. Она сжимала его, чувствуя тепло металла. У выхода она остановилась. Посмотрела на свои руки. Книга, которую она читала, осталась на столе. Ключ лежал в руке. Она знала, что он будет ждать. И она знала, что вернётся.

Рассказ 3. Завтрак у разбитого кофе

Она стояла у плиты и смотрела, как кофе в турке поднимается к краям, готовая снять её в последний момент. Утро было тихим, солнечным, и свет падал на деревянный стол длинными золотыми прямоугольниками, разрезая комнату на тёплые полосы. Запах свежего кофе смешивался с ароматом ванили и корицы. Она знала, что муж уехал в командировку и вернётся только через три дня. Она не скучала по нему. Она скучала по себе.

Она накрыла на стол. Белая скатерть, две чашки, тарелка с круассанами. Она не знала, зачем накрыла на двоих. Просто привыкла. Или надеялась. Когда раздался звонок, она вздрогнула и пролила кофе на стол. Тёплая лужа расплзлась по дереву. Она вытерла руки о фартук и пошла открывать.

На пороге стоял он. Друг её мужа. Она знала, что он работает архитектором, что у него нет семьи и что он иногда приходит к ним на ужин. Но сегодня он смотрел на неё так, будто она — единственная, кого он хочет видеть в этом мире.

— Его нет, — сказала она. — Он уехал.

— Я знаю.

Она замерла.

— Ты пришёл не к нему.

— Да.

Она отступила, впуская его. Он прошёл на кухню, остановился у стола, посмотрел на две чашки, на круассаны. Повернулся к ней.

— Ты знала, что я приду.

— Нет.

— Знала. Ты накрыла на двоих.

Она смотрела на две чашки и понимала: он прав.

— Я ждала, — сказала она шёпотом. — Не его. Себя. Ту, которую я забыла.

Он подошёл ближе. Она взяла чашку и пошла к плите, чтобы налить кофе. Руки дрожали. Она слышала его шаги за спиной, чувствовала его дыхание на своей шее. Он стоял в полушаге, и внутри неё поднималось что-то, что она прятала годы. Она взяла турку. Пальцы скользнули. Чашка упала на пол. Звон. Осколки разлетелись по плитке, зазвенели, закружились, оставляя лужи тёплого кофе.

— Прости, — прошептала она и опустилась на колени.

Он опустился рядом. Его пальцы накрыли её пальцы. Он поднял осколок. На её пальцах выступила кровь. Он взял её руку, поднёс к губам и поцеловал осколок — туда, где была её кровь. Её дыхание перехватило. Он притянул её к себе. Поцеловал. Медленно, глубоко.

— Ты не должна была приходить, — прошептала она.

— Я знаю. Но я не мог не прийти.

— Ты не знаешь меня.

— Я знаю, что ты просыпаешься в пять утра и не можешь уснуть до шести. Я знаю, что ты смотришь на дождь и не видишь его. Я знаю, что ты хранишь письма, которые никто не написал. Я знаю, что ты ждала меня.

Она смотрела в его глаза. Он взял осколок чашки, положил ей в ладонь.

— Ты хочешь этого?

— Я хочу чувствовать тебя.

Он повернул её лицом к стене. Холодная плитка коснулась её груди. Она чувствовала его руки на своей талии. Он снял с неё свитер. Она осталась в майке. Он

провёл пальцами по её спине, по позвоночнику, опускаясь всё ниже. Она вздрогнула. Его пальцы скользнули под майку. Она чувствовала его дыхание на своей шее. Он медленно снял майку.

— Я хочу видеть тебя, — сказал он и развернул её лицом к себе.

Она стояла перед ним обнажённая по пояс. Утренний свет падал на её кожу. Он смотрел на неё, и она не пряталась. Он опустился на колени, и его губы коснулись её соска. Она вздрожала. Его язык обводил сосок, его пальцы сжимали её грудь. Она чувствовала, как он сосёт, как его зубы осторожно прикусывают. Её тело выгибалось навстречу его рту. Она слышала, как он дышит, как его руки скользят по её животу, как он расстёгивает её джинсы.

— Я хочу чувствовать, как ты ломаешь меня, — сказала она.

Он поднялся, и его руки легли на её бедра. Он снял с неё джинсы, и она осталась в кружевных трусах. Он провёл пальцами по краю кружева и медленно опустил их вниз. Она стояла перед ним обнажённая. Он смотрел на неё, и она чувствовала, как его взгляд проходит по ней: от шеи до бёдер, от бёдер до колен. Она не пряталась, но внутри неё всё дрожало, всё ждало.

— Ты красивая, — сказал он, и в его голосе она услышала дрожь.

Он опустился на колени, его лицо оказалось между её бёдер. Она чувствовала его дыхание на своей коже. Его язык коснулся её — медленно, кругами, ритмично. Она вцепилась пальцами в его волосы. Она чувствовала, как его руки сжимают её ягодицы. Его язык двигался глубже, быстрее. Она слышала, как она стонет. Волна нарастала. Её бедра сжимались вокруг его головы. Она хотела, чтобы он не останавливался. Она была так близко. Волна остановилась на грани.

Он поднялся. Она чувствовала вкус его губ — кофе, горечь, что-то сладкое. Он взял осколок чашки. Положил ей в ладонь.

— Ты помнишь, что это?

— Моя чашка.

— Ты разбила её. И ты не можешь её склеить.

— Я знаю.

— Теперь ты будешь жить с этим.

Она смотрела на осколок в своей руке. Он взял её за талию и развернул обратно к стене. Она чувствовала холод плитки на своей груди. Его пальцы скользнули по её бёдрам. Он соединился с ней сзади — медленно, глубоко. Она прогнула спину, чувствуя, как он заполняет её. Его руки сжимали её грудь, его пальцы играли с её сосками. Она слышала, как он дышит. Её тело отвечало ему. Её бедра двигались в ритм его толчкам. Она чувствовала, как его пальцы скользят вниз, находят центр её удовольствия. Её дыхание сбивалось. Он ускорился. Волна нарастала. Она чувствовала, как внутри всё сжимается, пульсирует. Волна остановилась на грани.

— Я была близко, — прошептала она.

— Я знаю, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты запомнила это.

Он выскользнул из неё. Она почувствовала пустоту. Он подхватил её под бедра и усадил на край стола. Холодное дерево коснулось её кожи. Она чувствовала его руки на своих бёдрах, его дыхание на своей шее. Он соединился с ней снова — сверху, глядя ей в глаза. Она обхватила его ногами, притягивая ближе. Он двигался медленно, глубоко. Каждое его движение отдавалось в ней. Она чувствовала, как он касается стенок, как меняется угол, когда она приподнимает бедра. Она видела его лицо, его глаза, его губы. Она видела, как он смотрит на неё.

— Смотри на меня, — сказала она.

Он смотрел. Она начала двигаться навстречу ему. Его руки сжимали её ягодицы. Она чувствовала, как он входит в неё глубже, когда она опускается. Его дыхание становилось прерывистым. Её тело напрягалось. Она чувствовала, как внутри всё сжимается. Она хотела больше. Она хотела, чтобы он ускорился. Но он не ускорился. Он держал её на грани. Волна остановилась снова.

— Я хочу кончить, — сказала она.

— Я знаю. Но я хочу, чтобы ты чувствовала это как можно дольше.

Он перевернул её на живот. Она чувствовала холод стола под собой. Он соединился с ней сзади — глубже, жёстче. Её пальцы вцепились в край стола. Она чувствовала, как его руки сжимают её бёдра, как он входит в неё ритмично. Она слышала его дыхание у своего уха. Его пальцы скользнули между ней и столом, нашли центр её удовольствия. Она чувствовала его пальцы, его ритм. Волна поднималась. Она чувствовала, как внутри всё сжимается, пульсирует. Волна была готова накрыть её, но он замер.

— Я хочу, чтобы ты смотрела на меня, — сказал он и перевернул её на спину.

Она лежала на столе, смотрела на него. Он соединился с ней сверху, медленно, глубоко. Она чувствовала его жар, его дыхание, его руки на своих бёдрах. Она смотрела в его глаза. Её тело дрожало. Волна нарастала. Она чувствовала, как внутри всё сжимается, как пульсация становится сильнее. Она хотела, чтобы он не останавливался. Она кончила с криком, с дрожью, с полной потерей контроля. Её тело выгибалось, сжималось вокруг него. Он почувствовал её пульсацию и кончил в неё, с глухим стоном. Его тело дрожало, выгибалось. Она сжимала его, не давая уйти. Она чувствовала его пульс внутри себя.

Она лежала на столе, чувствуя холод дерева под собой. Он лежал на ней, тяжело дыша. Тишина в кухне. Только их дыхание. Она повернула голову и увидела осколок чашки, который лежал на полу. На нём была её кровь. Она сжала его в руке.

— Ты уйдёшь? — спросила она.

— Я не могу уйти.

— Почему?

— Потому что я хочу остаться.

Она села. Посмотрела на него. Его глаза были открыты. Он взял её руку, разжал пальцы, посмотрел на осколок. Поднёс её руку к губам и поцеловал туда, где была кровь.

— Ты не можешь остаться, — сказала она.

— Я знаю.

— Ты уйдёшь.

— Я знаю.

Он встал. Надел рубашку, не застёгивая её. Подошёл к двери. У выхода остановился.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

Он повернулся к ней.

— Тогда позови меня. Когда будешь готова.

Он вышел. Она осталась одна на кухне. Осколки чашки лежали на полу. Кофе растекался по плитке, по дереву стола, по скатерти, оставляя тёмные, маслянистые следы. Запах горечи был повсюду — она вдыхала его, и он был горьким, как его губы, как его уход. Она подошла к столу. Взяла осколок чашки. Тот самый, который он поцеловал. Сжала его в ладони. Чувствовала тепло металла и боль от стекла, впивающегося в кожу. Она знала, что он ушёл. Она знала, что он вернётся. Или нет. Она

смотрела на осколок, на свою кровь и думала о том, как найти того, кто оставил её наедине с её виной и её желанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.